

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК ПРЕДИКТОР ЭКСТРЕМИСТСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ

С.В. Яремчук, С.М. Ситяева

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре,
Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
28 ноября 2017 г.

Дата принятия в печать
21 января 2019 г.

Дата онлайн-размещения
26 февраля 2019 г.

Ключевые слова

Экстремизм; экстремистские установки; молодежь; предикторы экстремизма; идентификация; национализм; ксенофобия; фанатизм

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках реализации госзадания № 25.8631.2017/8.9 по теме проекта «Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи»

Аннотация. Современное состояние общества характеризуется возрастанием экстремистских проявлений среди молодежи, что делает актуальным обнаружение характеристик личности, способствующих ее вовлечению в экстремистские и террористические группировки. Статья посвящена анализу результатов эмпирического исследования, посвященного изучению трех видов экстремистских установок — фанатизма, национализма и ксенофобии. Исследование показывает, что повышенный или высокий уровень выраженности хотя бы одного вида экстремистских установок обнаруживается более чем у половины респондентов. В качестве предикторов экстремизма в работе рассматриваются особенности идентификации молодежи. В статье исследовались четыре вида идентификации: принятие ролевых моделей близкого окружения, отождествление с социальной ролью, самоопределение и самовоплощение, которые оценивались с точки зрения их определенности и субъективной продуктивности. Помимо этого, учитывалось самоотношение и самооценка молодых людей, а также их стремление к изменению себя и своей жизни. Определены основные предикторы фанатических установок, которыми выступают отказ от идентификации с близким окружением, непродуктивная идентичность и негативное отношение к себе. Дополнительными предикторами выступают низкий уровень самоопределения и представление о себе как о человеке, способном оказывать воздействие на окружающих. В качестве предикторов националистических установок выделены непродуктивная идентичность, отождествление с социальной ролью и отрицательное отношение к самому себе. Основными предикторами ксенофобии оказались отождествление с социальной группой и отсутствие сформированной определенной продуктивной идентичности, сочетающиеся с низкой самооценкой, высокой оценкой самоэффективности, представлением о себе как о не выделяющемся из группы и отсутствием стремления к самоизменению. Регрессионный анализ показывает высокий объяснительный потенциал полученных моделей. Результаты исследования также позволяют выделить характеристики идентичности, которые могут стать буфером для возникновения у молодежи экстремистских установок. Профилактическими мерами могут выступить личностно ориентированный подход в образовании, создание условий для сознательного самоопределения подростков и юношей и девушек, психологическое сопровождение формирования позитивной эгоидентичности и развития самосознания.

SOCIAL IDENTIFICATION AS A PREDICTOR OF EXTREMIST ATTITUDES OF YOUNG ADULTS

Svetlana V. Yaremchuk, Snezhana M. Sityaeva

Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, the Russian Federation

Article info

Received
2017 November 28

Accepted
2019 January 21

Available online
2019 February 26

Abstract. Modern society is characterized by a growth in extremism among young adults, which heightens the importance of identifying personal features that contribute to the involvement of a person in extremist and terrorist groups. The article analyzes the findings of an empirical study devoted to three types of extremist attitudes — fanaticism, nationalism and xenophobia. The study reveals that over half of the respondents manifest a heightened or high level of at least one type of extremist attitudes. The authors view certain features of young peoples' identification as predictors of extremism. They examined four types of identification: acceptance of role models from the immediate environment, identification with the social role, self-identification and self-expression, which were evaluated from the standpoint of their certainty and subjective productivity. Besides, they took into account attitude to oneself and self-esteem of young people

Keywords

Extremism; extremist attitudes; young people; predictors of extremism; identification; nationalism; xenophobia; fanaticism

Acknowledgements

This work is financially supported by the Ministry of Education and Research of the Russian Federation, Project 25.8631.2017 / 8.9, project topic «Subjective and Objective Predictors of Extremist Attitudes in Young People»

as well as their desire to change themselves and their lives. The authors determined key predictors of fanaticism attitudes — refusal to identify with one's immediate environment, non-productive identity and a negative attitude to oneself. Additional predictors are a low level of self-identification and believing oneself to be a person who can influence others. The authors singled out unproductive identity, identification with the social role and a negative attitude to oneself as predictors of nationalistic attitudes. Key predictors of xenophobia turned out to be identification with the social group, absence of a definite productive identity together with a low self-esteem, high assessment of self-effectiveness, self-image of a person who does not stand out from the group and absence of a desire to change oneself. A regression analysis showed that the obtained models have a high explanatory value. Research results also allowed the authors to single out identity characteristics that could act as buffers for the development of extremist attitudes among young adults. Prevention measures could include person-centered approach to education, creating conditions for a conscious self-identification of teenagers and young adults, psychological support of forming a positive ego-identity and the development of self-consciousness.

Современная социальная ситуация в мире характеризуется значительным возрастанием экстремистских проявлений — национализма, ксенофобии, мигрантофобии, терроризма [1]. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в России также наблюдается неуклонный рост количества преступлений экстремистской направленности. Так, за период с 2011 по 2017 г. численность преступлений данного типа выросла более чем в 2 раза¹. По данным МВД России, в среднем до 80 % участников экстремистских организаций составляют лица в возрасте до 30 лет. Резкое снижение уровня жизни населения в России может привести к тому, что свойственная молодежи экстремальность будет реализовываться не в социально приемлемых, а в криминальных, насильственных формах, в том числе и в экстремизме. По мнению Л.В. Боевой, в современной России наиболее активно развиваются такие формы молодежного экстремизма, как политический, националистический, религиозный [2].

В.В. Лунеев к существенным характеристикам экстремистского поведения человека относит наличие в его основе мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [3].

К приоритетным на сегодняшний день задачам относится профилактика вступления молодежи в экстремистские организации и предотвращение совершения ими преступлений экстремистской и террористической направленности. В настоящее время существует необходимость выявления ключевых предикторов экстремистских

установок и активности молодежи. Так, несмотря на значительное количество научных исследований в этой области, данные зачастую противоречивы и несистематизированны. Так, A. Scarcella, R. Page и V. Furtado на основе анализа значительного количества исследований, размещенных в 20 базах данных, отмечают, что на сегодняшний момент существует недостаток научных знаний о предикторах экстремистского и террористического поведения, отсутствует методический инструментарий, обладающий высокой прогностической способностью в предсказании экстремистского и террористического поведения [4].

Всю совокупность предикторов можно разделить на две большие группы: объективные и субъективные. К числу объективных можно отнести следующие предикторы экстремизма: социально-экономические условия, внутривнутриполитическая ситуация в стране, господствующая идеология в обществе, межгосударственные конфликты и межгрупповые конфликты внутри страны, специфика семейной ситуации, особенности образовательной среды, половозрастные характеристики, а также ситуационные факторы (факты вербовки в экстремистскую организацию и т.д.). К числу субъективных предикторов можно отнести индивидуально-психологические особенности личности, особенности идентичности и самосознания, субъективное благополучие, характеристики взаимоотношений со значимыми людьми, систему взглядов, убеждений и предпочитаемые стратегии поведения.

Многие отечественные и зарубежные исследователи сходятся во взглядах на то, что проявления экстремизма в обществе усиливаются при ухудшении социальной и экономической ситуации, наличии политических, религиозных, национальных и других межгрупповых конфликтов.

¹ Статистика преступлений экстремистской направленности // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

Но при этом при сходных объективных условиях далеко не все молодые люди проявляют экстремистскую активность. В научной зарубежной и отечественной литературе существует целый ряд исследований, посвященных изучению индивидуально-психологических особенностей людей, характеризующихся экстремистскими взглядами.

Так, М.Ф. Мусаелян выделяет следующие качества экстремистов: агрессивность, мстительность, бескомпромиссность, замкнутость, цинизм, эгоизм, максимализм, импульсивность, неспособность к состраданию к людям [5]. Н.В. Горбунова и Н.О. Свешникова выявили у молодых людей, привлеченных к уголовной или административной ответственности за экстремистскую деятельность, черты дистимности, возбудимости, педантичности и демонстративности, а также пониженный уровень эмотивности, экзальтированности и тревожности [6]. М. Alizadeh с группой соавторов на основе компьютерного анализа текста высказываний леворадикальных и праворадикальных экстремистов (программа LIWC lexicon) обнаружили, что экстремисты в меньшей степени доброжелательны, добросовестны и тревожны и в большей степени открыты новому опыту [7]. D. Canetti-Nisim и A. Pedahzur, используя регрессионный анализ, показали, что именно психологические особенности, а в частности авторитаризм и суеверность, лучше предсказывают экстремистское поведение, чем такие предикторы, как пол, возраст, национальная принадлежность, религиозность, доход и уровень образования [8]. D. Vaier с соавторами обнаружили более высокий уровень стремления к риску и низкий социальный контроль у подростков, характеризующихся экстремистскими установками [9].

Другие исследователи считают, что нет никаких специфических личностных особенностей экстремистов. Так, М.Д. Магомедов утверждает, что не личностные психологические особенности, а такие факторы, как неблагополучное микросоциальное окружение, отсутствие должного внимания и присмотра со стороны родителей, определяют экстремистское поведение молодежи [10]. А.В. Ростокинский считает, что в основе становления личности экстремиста лежат проблемы социализации, обретения социально значимых свойств и качеств [11]. К. Harris с соавторами отмечают, что в настоящий момент в научной литературе не описан адекватный профиль личности экстремиста и террориста [12]. Все больше исследователей предлагают изучать предпосылки экстремистского поведения, опираясь на теорию социальной идентичности

[12–15]. Так, недавние полевые исследования экстремистов — боевиков запрещенного в России «Исламского государства» — показали, что молодые люди, которые вступают в их число, не имеют каких-либо психических проблем, не страдают от нищеты, при этом, обладая выраженной потребностью в социальной идентичности, которая придает их жизни значение, стремятся к обретению смысла жизни и славе [13; 14].

В связи с этим в нашем исследовании была предпринята попытка изучения особенностей идентификации личности в качестве предикторов экстремистских установок молодежи. В выборку исследования вошел 131 чел. в возрасте от 21 года до 30 лет (51 юноша и 80 девушек, которые работают или обучаются в средних специальных и высших учебных заведениях), средний возраст испытуемых — 24,8 года.

Изучение экстремистских установок осуществлялось с помощью методики К.В. Злоказова «Экстремистские установки в молодежной среде» [16]. Методика диагностирует три вида экстремистских установок: фанатические, националистические и ксенофобические. Шкала «фанатизм» показывает сосредоточенность на религиозных идеях, увлеченность религией, наличие представлений о преимущественной роли религиозных норм в жизни испытуемого и его ближайшего окружения, использование религиозных канонических доктрин для объяснения жизненных событий. Шкала «национализм» указывает на дискриминирующую установку респондента по отношению к представителям других национальностей, нетерпимость к иным культурам и социальным нормам, одобрение репрессивных методов управления. Шкала «ксенофобия» характеризует стремление отвечающего избегать контакта с представителями других национальностей, религий и убеждений. Методика предполагает выявление пяти уровней выраженности интенсивности установок — низкого, пониженного, умеренного, повышенного и высокого.

Специфика идентификации испытуемых выявлялась с помощью опросника «Оценка процессов идентификации личности» [17], который представляет собой бланковый структурированный самоотчет, состоящий из 33 пунктов с четырехбалльной шкалой ответов. Опросник включает в себя четыре шкалы, относящиеся к двум типам идентификации: социальная идентификация и самоидентификация. Социальная идентификация основана на идентификации с близким окружением (принятие их знаний, оценок

и опыта поведения) и с социальными группами (отождествление с социальной ролью). Самоидентификация основана на самодифференциации через поиск своих отличий от окружающих (шкала самоопределения) и оценке своей способности к эффективному взаимодействию с окружающими (шкала самовоплощения). Методика также позволяет обнаружить степень определенности идентичности (определенная или неопределенная), отражающую ясное или недостаточно ясное представление человека о себе, своих жизненных целях, отношениях между социальными ролями, а также степень удовлетворенности человеком своей идентичностью (продуктивная или непродуктивная), показывающую субъективную оценку опрашиваемым полезности или бесполезности его идентичности.

Помимо этого, в обработку включались показатели самоотношения и самооценки людей, а также их стремление к изменению себя и своей жизни. Для изучения самоотношения использовался модифицированный психометрический тест С. Деллингер, в котором пять геометрических фигур (квадрат, треугольник, круг, зигзаг, прямоугольник) испытуемые должны были ассоциировать с понятием «Я», после чего им предлагалось проранжировать геометрические фигуры по предпочтению (на первое место поставить фигуру, которая нравится больше всего, на последнее место — нравящуюся в наименьшей степени), ранг выбранной фигуры в ряду по предпочтению использовался как показатель самоотношения (более высокие значения ранга указывают на негативное отношение к себе) [18]. В качестве показателя самооценки был взят один из параметров проективного теста «Семейная социограмма» [19], а именно — величина круга, используемого испытуемым для изображения самого себя в пространстве круга диаметром 110 мм (чем меньше величина круга «Я», тем ниже самооценка человека). Для оценки стремления к изменению себя и своей жизни испытуемых просили ответить на два вопроса: «Что бы вы хотели изменить в себе?», «Что бы вы хотели изменить в своей жизни?» При обработке учитывалось число указываемых человеком желаемых изменений отдельно по каждому вопросу.

Для проверки гипотезы о предикции экстремистских установок молодежи особенностями их идентификации использовалась множественная пошаговая регрессия с включением предикторов, которая вычислялась с использованием программы STATISTICA 10.

Результаты изучения экстремистских установок молодежи от 21 года до 30 лет показали, что наиболее выраженными у испытуемых оказались националистические установки (30,6 % выборки имеют повышенный и высокий уровень национализма), что отражает наличие у них чувства превосходства своей национальности над другими. У каждого четвертого респондента (25,2 % выборки) обнаружился повышенный либо высокий уровень фанатизма, что проявляется в том, что испытуемые рассматривают религиозные нормы и идеи как основополагающие в жизни, находящиеся выше любых других законов. Ксенофобические установки выражены у 23,6 % испытуемых, вместе с тем высокий уровень ксенофобии обнаруживается у 7,6 % опрошенных, в то время как высокий уровень фанатизма — у 4,6 %, а национализма — только у 0,8 % молодежи, участвующей в исследовании. Ксенофобия основывается на неприятии другого человека как представителя другой группы, сопряженном с агрессией, направленной на вызывающего ее человека или группу лиц (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1
Степень выраженности экстремистских установок молодежи, % от общего числа выборки
The intensity of extremist attitudes in young adults, % from the total number of respondents

Уровень выраженности / Level of intensity	Фанатизм / Fanaticism	Национализм / Nationalism	Ксенофобия / Xenophobia
Низкий / Low	47,3	8,4	16,0
Пониженный / Decreased	14,5	28,2	18,3
Умеренный / Moderate	13,0	32,1	42,0
Повышенный / Heightened	20,6	29,8	16,0
Высокий / High	4,6	0,8	7,6

С учетом всех трех параметров 55 % выборки имеют повышенный или высокий уровень выраженности какой-либо установки, из них у большей части выражена только одна (у 37,3 % юношей и 31,3 % девушек). Две или три выраженные экстремистские установки продемонстрировали 23,5 % юношей и 20,0 % девушек. В общем, картина выглядит достаточно угрожающей: больше половины молодежи от 21 года до 30 лет имеют предрасположенность к экс-

тремистской активности, при этом среди юношей и девушек число таких людей различается незначительно.

Поскольку экстремистские установки — явление вторичное, возникающее в ситуации неудовлетворения потребностей молодежи просоциальными способами, встают проблемы определения предикторов, позволяющих предсказывать возникновение экстремистской направленности людей, и осуществления мер, направленных на профилактику вовлечения молодых людей в экстремистские организации. Наиболее сильной основой противодействия экстремизму могла бы стать устойчивость человека, основанная на позитивной самоидентичности, которая послужит буфером при изменении внешних условий существования молодежи и в ситуации внешних воздействий, направленных на вовлечение человека в экстремистские движения и криминальные организации.

Результаты регрессионного анализа показывают, что изучаемые экстремистские установки предсказываются различными аспектами идентификационной системы человека. Нет ни

одной переменной, которая вошла бы как предиктор одновременно в регрессионные модели фанатизма, национализма и ксенофобии. Вместе с тем все три регрессионные модели указывают на большую предсказывающую силу идентификационной системы человека, объясняющей от 26,0 до 30,9 % варьирования интенсивности экстремистских установок (табл. 2).

Регрессионная модель фанатических убеждений позволяет предсказать 27,8 % варьирования их интенсивности с помощью одновременного действия шести переменных, из которых наибольшее значение имеют неопределенная продуктивная идентичность ($\beta = -0,207$) и принятие знаний, оценок и опыта поведения близкого окружения ($\beta = -0,165$). Отрицательные значения регрессионного коэффициента указывают на то, что вероятность подверженности молодых людей националистическим идеям возрастает в случае, если их размытая идентичность не рассматривается ими как продуктивная, а вмешательство близких людей расценивается как неэффективное, а возможно, и деструктивное. Это может быть результатом специфической органи-

Таблица 2 / Table 2

Результаты пошагового регрессионного анализа предикторов экстремистских установок молодежи
Results of a step-by-step regression analysis of predictors for extremist attitudes of young people

Предиктор / Predictor	β	p	R^2
<i>Фанатизм</i>			
Неопределенная продуктивная идентичность / Uncertain productive identity	-0,207	0,006	0,278
Принятие близкого окружения / Acceptance of the immediate environment	-0,165	0,014	
Негативное отношение к себе / Negative attitude to oneself	0,386	0,031	
Самоопределение / Self-identification	-0,096	0,095	
Самовоплощение / Self-expression	0,076	0,207	
Определенная непродуктивная идентичность / Certain unproductive identity	0,024	0,702	
<i>Национализм</i>			
Неопределенная непродуктивная идентичность / Uncertain unproductive identity	0,526	0,000	0,260
Отождествление / Identification	0,188	0,010	
Определенная непродуктивная идентичность / Certain unproductive identity	0,145	0,038	
Негативное отношение к себе / Negative attitude to oneself	0,440	0,099	
<i>Ксенофобия</i>			
Отождествление / Identification	0,213	0,015	0,309
Определенная продуктивная идентичность / Certain productive identity	-0,237	0,025	
Самооценка / Self-esteem	-0,044	0,098	
Самовоплощение / Self-expression	0,137	0,123	
Самоопределение / Self-identification	-0,113	0,149	
Стремление к самоизменению / Desire to change oneself	-0,014	0,268	

Примечание: β — стандартизированный регрессионный коэффициент; p — уровень статистической значимости; R^2 — коэффициент множественной детерминации.

зации семейных отношений, не способствующих возникновению близких доверительных отношений. В.А. Туев и О.К. Токтомаатов отмечают, что фанатическая личность находится в непрекращающемся кризисе доверия, свидетельствующем о сбое нормального развития в первые годы жизни ребенка (по Э. Эриксону — кризис доверия / недоверия) в связи с нехваткой безусловной родительской любви [20]. В подростковом возрасте самоопределению ребенка мешает жесткий авторитарный стиль семейного воспитания, при котором взрослый регламентирует действия ребенка. Подросток оказывается в ситуации десубъективации, которая препятствует поиску и осмыслению своей системы ценностей и формированию продуктивной идентичности. На это указывают и следующие две переменные, входящие в модель предикции фанатической установки: негативное отношение к себе ($\beta = 0,386$) и самоопределение ($\beta = -0,096$). Негативное отношение к себе отражает рассмотрение себя, своих личностных особенностей как неэффективного инструмента для достижения собственных целей и решения важных жизненных задач [21]. Отрицательный коэффициент регрессии, обнаруженный для шкалы самоопределения, указывает на то, что юноши и девушки с выраженными фанатическими установками полагают, что качества, отличающие их от окружающих, не позволяют им преодолевать жизненные трудности, успешно действовать и негативно влияют на их собственную жизнь. Полученные факты согласуются с теоретическим анализом, проведенным Н.А. Калужной [22], в котором показано, что одна из определяющих черт фанатика на стадии его становления — неуверенность в себе, а экстремистская активность является формой гиперкомпенсации, позволяющей ощутить собственную значительность, самоутвердиться, почувствовать себя избранным для реализации групповых целей. Последние две переменные (самовоплощение и определенная непродуктивная идентичность) вносят минимальный вклад в модель фанатической установки, однако их сочетание с предыдущими предикторами существенно увеличивает объяснительную способность модели. Включение в модель шкалы самовоплощения указывает на то, что не все составляющие собственной личности оказываются для молодежи, имеющей риск развития фанатических установок, несущими негативный смысл, они позитивно оценивают свою эффективность и компетентность в социальном взаимодействии,

а также свою способность оказывать социальное влияние. Однако последняя переменная указывает на то, что в случае если у таких испытуемых формируется определенная идентичность, они оценивают ее как деструктивную.

Таким образом, выраженность фанатических установок молодежи определяется сложным набором предикторов, базирующихся, в отличие от всех остальных вариантов экстремистских установок, на неудовлетворенности молодых людей своей идентификацией с близкими им людьми. В такой ситуации религиозная направленность установок может рассматриваться как поиск замещающих близких родственников объектов, обращение к Богу как к родительской фигуре, а к религиозному сообществу — как к семейной системе. Многие распространенные в России религиозные организации основаны на создании семейной среды, предполагающей обращение к членам религиозной общины как к братьям, а к религиозным учителям — как к отцам. Неопределенность собственной идентичности и поиск индивидуальности на фоне негативного отношения к себе побуждают молодого человека обращаться к тому аспекту личности, который несет положительную окраску, — способности эффективно оказывать влияние на других. Религиозные организации предоставляют человеку возможность пропагандировать свои религиозные убеждения, активно осуществляя взаимодействие с людьми и поддерживая представление человека о самоэффективности.

Регрессионная модель националистических установок предсказывает 26 % дисперсии совокупным действием четырех переменных. Согласно этой модели, националистические установки определяются прежде всего восприятием молодыми людьми своей идентичности как непродуктивной, затрудняющей деятельность и взаимоотношения с окружающими, не способствующей достижению целей и реализации потребностей человека. При этом неважно, насколько определенной является идентичность: оба вида непродуктивной идентичности (неопределенная и определенная) входят в объяснительную модель со значимыми положительными регрессионными коэффициентами ($\beta = 0,526$ и $\beta = 0,145$). Оценка своей идентичности как непродуктивной побуждает человека к поиску иной, более продуктивной идентичности, оставляет потребность в самокатегоризации неудовлетворенной, побуждает человека к поиску себя в более крупных системах, несущих

большую силу и энергию, например отождествление себя с народом, нацией, этносом. Отождествление выступает вторым по значимости предиктором националистических экстремистских установок ($\beta = 0,188$). Последним входящим в модель предиктором ($\beta = 0,440$) стало негативное отношение к себе, придание своей личности отрицательных смыслов. В психологической литературе неоднократно рассматривался факт взаимосвязи отношения к себе и к другим, при которой неприятие человеком каких-то свойств и характеристик собственной личности становится основанием для приписывания их другим и следующего за этим негативного отношения к окружающим [23; 24, с. 223–224; 25].

Таким образом, националистические убеждения возникают у человека в случае, если он расценивает свою идентичность как непродуктивную, в поиске более продуктивной идентичности он отождествляется со своей нацией или этносом, однако негативное отношение к себе становится основой для отрицательного дискриминирующего отношения к другим нациям, народностям и этносам, нетерпимости к иным культурам.

Предикторы ксенофобии объясняют 30,9 % дисперсии, что указывает на наилучшее качество объяснительной модели для установок данного типа. Наибольший вклад в эту модель вносят две переменные: отождествление ($\beta = 0,213$) и определенная продуктивная идентичность ($\beta = -0,237$). Данный факт обнаруживает, что ксенофобия, так же как и национализм, может предсказываться отсутствием определенной, оцениваемой человеком как продуктивной идентичности, которая побуждает молодых людей к поиску идентичности посредством отождествления с социальной группой, при котором личные потребности заменяются ролевыми моделями поведения. Но если националистические установки связаны с отождествлением с нацией, то ксенофобия предполагает отождествление с любой социальной группой, в которую может включиться человек. Потребность в самокатегоризации побуждает человека к поиску себя в других системах, при этом обозначение какой-либо группы в средствах массовой информации или сети Интернет может предоставить молодому человеку основу для отнесения себя к ней, что, случае если эта группа является криминализованной, может привести к вовлечению человека в экстремистские или криминальные группировки. Третий предиктор — самооценка человека ($\beta = -0,044$), которая является компонентом самоотношения человека,

характеризующим не личность в целом, а эмоции, возникающие как сигнал о том, насколько особенности субъекта способствуют успешности реализации значимых деятельностей. Отрицательный регрессионный коэффициент указывает на то, что для людей с ксенофобией, как и для людей с националистическими установками, характерна низкая самооценка, придание своей личности отрицательной эмоциональной окраски, которая, вытесняясь, становится адресованной другим людям, не принадлежащим к значимой для субъекта социальной группе. Три оставшихся предиктора ксенофобических установок (самовоплощение, самоопределение и отсутствие стремления к самоизменению) показывают, что вероятность возникновения ксенофобии возрастает, если человек полагает, что может эффективно влиять на других, не считает себя отличающимся от представителей группы и выделяющимся из нее и при этом не хочет менять себя.

Таким образом, специфика идентичности человека, подверженного формированию ксенофобических установок, характеризуется невыраженной определенной продуктивной идентичностью, склонностью к отождествлению с конкретными социальными группами, подражанием и копированием моделей социального поведения, социальных норм и правил, трудностями с вычлениением себя и своей индивидуальности, низкой самооценкой, но при этом нежеланием менять что-то в своей личности и определением себя через эффективность воздействия на других людей.

Проведенное исследование дает основу для выделения следующих характеристик идентичности, которые могут служить буфером для возникновения у молодежи экстремистских установок:

– принятие своего социального окружения как источника влияния референтных лиц на идентичность, рассмотрение принадлежности к группе близких людей как полезной и ценной для жизни, стремление к воплощению в жизнь мнений друзей и родственников;

– способность определять свою уникальность, самобытность и индивидуальность, поддерживая при этом баланс потребности принадлежать группе и автономности собственного поведения, независимого от влияния окружающих;

– позитивное отношение к самому себе и рассмотрение своей идентичности как продуктивной, приносящей пользу и способствующей социальной успешности, обеспечивающей субъективное благополучие человека, при этом

идентичность человека может быть даже недостаточно определена;

– стремление к самоизменению и саморазвитию, которое создает для человека основу для достижения своих целей путем самопреобразования, а не преобразования других людей с использованием крайних средств.

Профилактика криминализации и радикализации молодежи на ранних этапах социализации требует объединения современных знаний из разных областей — криминологии, психологии, социологии, политологии, что позволит создать научно обоснованную программу работы с молодежью. С учетом полученных в настоящем исследовании результатов мы можем предположить, что высокоэффективной в системе профилактики экстремизма будет целенаправлен-

ная работа по формированию самосознания молодых людей, развитию позитивной эгоидентичности, созданию условий для сознательного личностного и профессионального самоопределения. Это может быть реализовано внедрением личностно ориентированной технологии обучения в образование на всех этапах, созданием в учебных и учебно-профессиональных заведениях условий для осуществления учащимися осознанного и самостоятельного профессионального выбора, целенаправленной работой педагогов и психологов по развитию критичности мышления учащихся, формированию у них адекватной самооценки, развитию стремления к самопознанию, самоопределению и самовоплощению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anderson-Nathe B. Trending rightward: Nationalism, xenophobia, and the 2016 politics of fear / B. Anderson-Nathe, K. Gharabaghi // *Child & Youth Services*. — 2017. — Vol. 38. — P. 1–3. — DOI: 10.1080/0145935X.2017.1277125.
2. Баева Л.В. Молодежный экстремизм в современной России / Л.В. Баева // *Обзор.НЦПТИ*. — 2015. — № 5. — С. 16–21.
3. Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму / В.В. Лунеев // *Государство и право*. — 2009. — № 9. — С. 44–64.
4. Scarcella A. Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments [Electronic resource] / A. Scarcella, R. Page, V. Furtado // *Plos One*. — 2016. — 22 Dec. — Mode of access: <http://www.scicombinator.com/articles/2976438>. — DOI: 10.1371/journal.pone.0166947.
5. Мусаелян М.Ф. Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок) / М.Ф. Мусаелян // *Адвокат*. — 2010. — № 6. — С. 22–33.
6. Горбунова Н.В. Психологические особенности лиц, совершающих преступления экстремистской направленности / Н.В. Горбунова, Н.О. Свешникова // *Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ*. — 2013. — Т. 1, № 1. — С. 67–75.
7. Alizadeh M. Psychological and personality profiles of political extremists [Electronic resource] / M. Alizadeh [et al.]. — Cornell University Library, 2017. — Mode of access: <https://arxiv.org/abs/1704.00119>.
8. Canetti-Nisim D. The Effects of Contextual versus Psychological Variables on Extreme Right-Wing Sentiments / D. Canetti-Nisim, A. Pedahzur // *Social Behavior and Personality*. — 2002. — Vol. 30 (4). — P. 317–334.
9. Baier D. Influencing Factors of Political Extremism in Adolescence — Right-Wing Extremism, Left-Wing Extremism and Islamic Extremism Compared / D. Baier, P. Manzoni, M.C. Bergmann // *Journal of Criminology and Penal Reform*. — 2016. — Vol. 99 (3). — P. 171–198. — DOI: 10.1515/mkr-2016-0302.
10. Магомедов М.Д. Вовлечение молодежи в совершение преступлений экстремистского характера / М.Д. Магомедов // *Российский следователь*. — 2007. — № 20. — С. 29–31.
11. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Ростокинский. — М., 2008. — 26 с.
12. Harris K. Understanding the role of social groups in Radicalisation / K. Harris, E. Gringart, D. Drake // *VII Australian Security and Intelligence Conference*. — Cowan University, 2014. — P. 19–26. — DOI: 10.4225/75/57a83235c833d.
13. Atran S. Devoted actors sacrifice for close comrades and sacred cause / S. Atran, H. Sheikh, A. Gomez // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. — 2014. — Vol. 111. — P. 17702–17703. — DOI: 10.1073/pnas.1420474111.
14. Sheikh H. Empirical evidence for the devoted actor model / H. Sheikh, S. Atran, A. Gomez // *Current Anthropology*. — 2016. — Vol. 57. — P. 204–209. — DOI: 10.1086/686221.
15. Dean C. The role of identity in committing acts of violent extremism — and in desisting from them / C. Dean // *Criminal Behaviour and Mental Health*. — 2017. — Vol. 27 (4). — P. 281–285. — DOI: 10.1002/cbm.2048.
16. Злоказов К.В. Метод исследования экстремистско-деструктивных установок личности / К.В. Злоказов // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. — 2014. — № 1. — С. 173–180.
17. Злоказов К.В. Конструирование идентичности и криминализация личности / К.В. Злоказов. — Екатеринбург : Изд-во УрЮИ МВД России, 2017. — 142 с.
18. Шмакова В.А. Методика оценки сформированности гражданской идентичности коллективного субъекта / В.А. Шмакова. — Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПУ, 2016.
19. Эйдемиллер Э.Г. Психология и психотерапия семьи / Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис. — СПб. : Питер, 2008. — 672 с.
20. Туев В.А. Современный фанатизм как следствие дисгармонии потребностей личности / В.А. Туев, О.К. Токтомагов // *Известия Иркутского государственного университета*. Сер.: Политология. Религиоведение. — 2016. — Т. 18. — С. 197–204.

21. Столин В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 284 с.
22. Калюжная Н.А. Фанатизм: личностные и групповые черты / Н.А. Калюжная // *Философские науки*. — 2007. — № 9. — С. 66–82.
23. Williams J.S. Acceptance: an historical and conceptual review / J.S. Williams, S.J. Lynn // *Imagination, cognition and personality*. — 2010–2011. — Vol. 30 (1). — P. 5–56.
24. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики / А.Б. Орлов. — М. : Академия, 2002. — 272 с.
25. Яремчук С.В. Саморазвитие и субъективное благополучие современной молодежи / С.В. Яремчук, Е.Ф. Новгородова. — М. : Инфра-М, 2015. — 142 с.

REFERENCES

1. Anderson-Nathe B., Gharabaghi K. Trending rightward: Nationalism, xenophobia, and the 2016 politics of fear. *Child & Youth Services*, 2017, vol. 38, pp. 1–3. DOI: 10.1080/0145935X.2017.1277125.
2. Baeva L.V. Extremism among youth in modern Russia. *Obzor.NTsPTI = Review of NCPTI (National Center for Counteracting Terrorism and Extremism in Education and the Internet Environment)*, 2015, no. 5, pp. 16–21. (In Russian).
3. Luneev V.V. Problems of criminalization and opposition to extremism. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2009, no. 9, pp. 44–64. (In Russian).
4. Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments. *Plos One*, 2016, 22 December. Available at: <http://www.sci-combinator.com/articles/2976438>. DOI: 10.1371/journal.pone.0166947.
5. Musaelyan M.F. The personality of the member of informal youth extremist organizations (groupings). *Advokat = Lawyer*, 2010, no. 6, pp. 22–23. (In Russian).
6. Gorbunova N.V., Sveshnikova N.O. Psychological features of people committing extremist crimes. *Nauchnye issledovaniya vypusnikov fakul'teta psikhologii SpbGU = Scientific Research of Graduates of Faculty of Psychology of St. Petersburg State University*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 67–75. (In Russian).
7. Alizadeh M., Weber I., Cioffi-Revilla C., Fortunato S., Macy M. *Psychological and personality profiles of political extremists*. Cornell University Library, 2017. Available at: <https://arxiv.org/abs/1704.00119>.
8. Canetti-Nisim D., Pedahzur A. The Effects of Contextual versus Psychological Variables on Extreme Right-Wing Sentiments. *Social Behavior and Personality*, 2002, vol. 30 (4), pp. 317–334.
9. Baier D., Manzoni P., Bergmann M.C. Influencing Factors of Political Extremism in Adolescence — Right-Wing Extremism, Left-Wing Extremism and Islamic Extremism Compared. *Journal of Criminology and Penal Reform*, 2016, vol. 99 (3), pp. 171–198. DOI: 10.1515/mkr-2016-0302.
10. Magomedov M.D. Involvement of young people into extremist crimes. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2007, no. 20, pp. 29–31. (In Russian).
11. Rostokinskii A.V. *Prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti kak proyavleniya subkul'turnykh konfliktov molodezhnykh ob'edinenii: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie problemy. Avtoref. Dokt. Diss.* [Crimes of an extremist nature as examples of youth subcultural conflict associations: criminal-legal and criminological problems. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2008. 26 p.
12. Harris K., Gringart E., Drake D. Understanding the role of social groups in radicalisation. *VII Australian Security and Intelligence Conference*. Cowan University, 2014, pp. 19–26. DOI: 10.4225/75/57a83235c833d.
13. Atran S., Sheikh H., Gomez A. Devoted actors sacrifice for close comrades and sacred cause. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2014, vol. 111, pp. 17702–17703. DOI: 10.1073/pnas.1420474111.
14. Sheikh H., Atran S., Gomez A. Empirical evidence for the devoted actor model. *Current Anthropology*, 2016, vol. 57, pp. 204–209. DOI: 10.1086/686221.
15. Dean C. The role of identity in committing acts of violent extremism — and in desisting from them. *Criminal Behaviour and Mental Health*, 2017, vol. 27 (4), pp. 281–285. DOI: 10.1002/cbm.2048.
16. Zlokazov K.V. The method of investigation extremist destructive personality settings. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2014, no. 1, pp. 173–180. (In Russian).
17. Zlokazov K.V. *Konstruirovaniye identichnosti i kriminalizatsiya lichnosti* [Identity Constructing and the Criminalization of Personality]. Yekaterinburg, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 142 p.
18. Shmakova V.A. *Metodika otsenki sformirovannosti grazhdanskoi identichnosti kollektivnogo sub"ekta* [The Methodology of Evaluating the Civil Identity of a Collective Subject]. Komsomolsk-on-Amur, Amur Humanitarian-Pedagogical University Publ., 2016.
19. Eidemiller E.G., Iustitskiy V.V. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Family psychology and psychotherapy]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008. 672 p.
20. Tuev V.A., Toktomatov O.K. Modern Fanaticism as the Result of Human Needs Disharmony. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2016, vol. 18, pp. 197–204. (In Russian).
21. Stolyn V.V. *Samosoznanie lichnosti* [Self-Consciousness of a Person]. Lomonosov Moscow State University Publ., 1983. 284 p.
22. Kalyuzhnaya N.A. Fanaticism: personal and group traits. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2007, no. 9, pp. 66–82. (In Russian).
23. Williams J.S., Lynn S.J. Acceptance: an historical and conceptual review. *Imagination, cognition and personality*, 2010–2011, vol. 30 (1), pp. 5–56.
24. Orlov A.B. *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigmy, proektsii, praktiki* [The psychology of personality and essence of a man: paradigms, projections, practices]. Moscow, Akademiya Publ., 2002. 272 p.
25. Yaremchuk S.V., Novgorodova E.F. *Samorazvitie i sub"ektivnoye blagopoluchie sovremennoi molodezhi* [Self-development and Subjective Well-being of Modern Youth]. Moscow, Infra-M Publ., 2015. 142 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Яремчук Светлана Владимировна — доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, кандидат психологических наук, доцент, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация; e-mail: svj@rambler.ru.

Ситяева Снежана Михайловна — доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, кандидат биологических наук, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация; e-mail: snejana-reg27@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Яремчук С.В. Социальная идентификация как предиктор экстремистских установок молодежи / С.В. Яремчук, С.М. Ситяева // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 1. — С. 51–60. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).51-60.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yaremtchuk, Svetlana V. — Ass. Professor, Chair of Educational Psychology, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Ph.D. in Psychology, Ass. Professor, Komsomolsk-on-Amur, the Russian Federation; e-mail: svj@rambler.ru.

Sityaeva, Snezhana M. — Ass. Professor, Chair of Educational Psychology, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Ph.D. in Biology, Komsomolsk-on-Amur, the Russian Federation; e-mail: snejana-reg27@yandex.ru.

FOR CITATION

Yaremtchuk S.V., Sityaeva S.M. Social identification as a predictor of extremist attitudes of young adults. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 51–60. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).51-60. (In Russian).